

На рассвете следующего дня тишину разорвал истошный петушиный крик.

Ху Пэй недовольно поморщился и перевернулся на другой бок. Глаз он открывать не стал, но, нащупав под боком что-то теплое и пушистое, брезгливо сдернул одеяло и сбросил соню на пол.

Раздался жалобный лисий писк:

— Оу-инь...

Поднявшись на постели, Ху Пэй смерил сидящего на полу белого лиса ледяным взглядом. Зверь ответил ему тем же.

— Ладно тебе, — со вздохом нарушил молчание Ху Пэй. — Я уже и забыть успел, как выбирался когда-то из глубин Девяти Преисподних. А из-за тебя эти кошмары вернулись.

Он хмыкнул, качнув головой:

— И неважно, послан ты мне самими небесами или чьим-то злым умыслом — возвращаться я не намерен. В этой жизни моя цель — дожить в покое до глубокой старости и вкусить плоды праведных трудов.

Минцуань давно уже ждал за дверью своего часа. Услышав шорох в спальне, он осторожно постучал и вошел, неся медный таз с теплой водой для умывания.

Заметив, что лис сиротливо свернулся калачиком в мягком кресле, слуга мысленно усмехнулся:

«У молодого господина все тот же нрав. Никому не позволяет приближаться к себе — ни человеку, ни зверю. А я-то думал, этот Фэйбай какой-то особенный».

Ху Пэй не удостоил лиса и взглядом. Наскоро позавтракав, он оставил зверя в комнате и в сопровождении Ху Линя отправился в начальную школу Белого Коня.

Утро выдалось необычным: прямо у ворот школы они столкнулись с Чао Цо.

Чао Цо, облаченный в ученическое платье школы Белого Коня — нежно-голубое одеяние с белым воротником, подобающее истинному конфуцианцу, — застыл на пороге с гордо поднятой головой, словно поджидая соперника.

В глазах Ху Пэя промелькнула тень понимания. Он спокойно наблюдал, как Чао Цо, так и

пышущий заносчивостью, делает шаг навстречу.

— Не смей смотреть на меня свысока, Ху Пэй! — задрал подбородок, звенящим от гордости голосом объявил Чао Цо. — Вчера мой отец лично просил за меня наставника Белого Коня. Так что отныне мы учимся в одном классе! Ну, что скажешь?

Будь его взгляд чуть тверже, мальчишка не казался бы столь нелепым в своем бахвальстве. Однако он и не замечал, какими презрительными и брезгливыми взглядами провожали его заходившие в ворота ученики.

Ху Пэю было бы совершенно все равно, если бы не отец задиры — младший министр образования...

«Чао Ган теперь занимает пост сиши. И пускай его имя звучит не так громко, как титул Великого церемониймейстера, которым владеет мой отец, реальной власти у него куда больше. Неудивительно, что наставники школы Белого Коня пошли ему навстречу. Сиши ведаёт учетом населения, чинами и жалованьем, подчиняясь напрямую великому министру, главе ведомств. Наш же батюшка, Ху Юньшэнь, как весенний чиновник, скорее пользуется почетом, чем обладает силой. Теперь понятно, почему приглашения семьи Чао блещут чистым золотом».

Велев Ху Линю возвращаться домой и не ждать его вечером, Ху Пэй отправил слугу обратно в усадьбу. Сам же он скользнул мимо Чао Цо, устремившись напрямик во двор.

Видя такое пренебрежение, Чао Цо едва не задохнулся от ярости.

Проходившие мимо ученики тут же прыснули со смеху. Один из них, картинно вздохнув, продекламировал:

— Наставник учит: «Познав свои ошибки, следуй ритуалу; уразумев стыд, обретишь мужество». Но если кое-кто лишь притворяется раскаявшимся, насмехается над приличиями и лезет на рожон, не ведая стыда... Как мы это назовем?

— Бесстыдство чистой воды! — подхватил другой.

— Ах вы!.. — взвизгнул Чао Цо, тяжело дыша. Он буквально содрогался от переполнявшей его обиды.

Уже ступивший на садовую дорожку Ху Пэй остановился. Он неторопливо обернулся и, слегка прищурив глаза, негромко позвал:

— Чао Цо, подойди.

Юный забияка, не умея состязаться в остроумии, уже собирался пустить в ход кулаки и усердно закатывал рукава. Услышав окрик, он сердито зыркнул на Ху Пэя:

— Чего тебе еще?

Но вопреки своей грозной мине, он сам не заметил, как пошел вперед. Чао Цо мысленно оправдывал себя тем, что еще помнил утреннюю взбучку, когда отец, размахивая палкой, велел ему во всем брать пример с молодого господина Ху.

Заметив такую покладистость вчерашнего буяна, зеваки начали тихонько посмеиваться. Однако под холодным, предостерегающим взглядом Ху Пэя смешки быстро утихли, и ученики гурьбой поспешили скрыться в здании школы.

Сам Ху Пэй внушал им робкое почтение. Мальчик славился своей выдающейся красотой и звучным именем, хотя любимчиком наставников никогда не был. И пускай его внешностью восхищались все без исключения, Чао Цо в одном был абсолютно прав: Ху Пэй отличался беспримерной ленью. А в нынешние времена, когда превыше всего ценились «высокая добродетель и прилежание», ленивцев сторонились, опасаясь прослыть их единомышленниками.

— Нагнись, — не допускающим возражений тоном скомандовал Ху Пэй, когда Чао Цо подошел ближе.

Тот вытаращил глаза. Из-за избыточного веса здоровье у него было неважным, и от гнева он тут же начал задыхаться.

— С какой стати мне тебя слушаться?!

— Если я правильно помню, господин сиши отдал немало серебра на нужды простого люда, чтобы выхлопотать для тебя это место? — Ху Пэй тонко улыбнулся. Заметив, как собеседник густо покраснел, он неспешно продолжил: — Из какой школы тебя выставили в прошлый раз? Впрочем, неважно. Я сегодня слишком устал. Вези меня на закорках.

— Да ты... ты... — Чао Цо ошеломленно уставился на него, а затем указал на видневшийся сквозь густые кроны деревьев изогнутый карниз школы. — Ху Пэй, я и раньше терпеть тебя не мог, а уж твои капризы...

— М-м? — мягко перебил его Ху Пэй. — Неужели господин сиши сегодня утром забыл наказать тебе, чтобы ты прилежно учился у меня уму-разуму?

— Откуда... откуда ты знаешь?! — Чао Цо едва не выронил учебники от изумления.

«Да этот Ху Пэй просто оборотень какой-то!»

Ху Пэй со вздохом покачал головой, чувствуя себя умудренным опытом старцем рядом с этим неразумным дитятей. Тратить на него драгоценное утреннее время казалось верхом глупости. Не говоря больше ни слова, он неторопливо двинулся в сторону рощи.

Чао Цо поплелся следом, продолжая ворчать:

— Ну и характер у тебя, Ху Пэй... Эй, стой! Ты куда пошел? Школа же в другой стороне!

Однако Ху Пэй уже передумал. Миновав развилку, он свернул на тропинку, ведущую к раскидистому старому дереву. Солнечные лучи ласково согревали это тихое местечко — самое время вспомнить старинные строки: «Весеннее солнце золотит высокие кроны, навевая сладкую дремоту».

Прошлой ночью ему так и не удалось толком выспаться, и сейчас легкий утренний сон был как нельзя кстати.

Чао Цо нерешительно застыл у развилки. Еще до рассвета Чао Ган, размахивая увесистой палкой, велел сыну перенимать у Ху Пэя только лучшее.

Чао Цо презрительно хмыкнул:

«И чему мне у него учиться? Прогулам?»

Ми Цзяо, щеголявший в таком же нежно-голубом ученическом платье, проводил взглядом удаляющуюся фигуру Ху Пэя и насмешливо бросил топчущемуся на месте Чао Цо:

— Если ты способен, вовсе не заглядывая на уроки, без единой запинки пересказать книги наставника, то можешь смело идти за ним! Ха-ха-ха!

Чао Цо сердито буркнул что-то под нос и поспешил за Ми Цзяо в класс.

В Империи Великая Чжоу начальные школы некогда именовались обителями начального просвещения. В те времена обучение начиналось с трехлетнего возраста, однако позже, из-за нехватки казны на содержание учителей, школы преобразовали в начальные училища для детей от шести до двенадцати лет. Половину расходов на обучение брал на себя императорский дом Сюаньюань, и это правило действовало по всей стране. Подобная щедрость ложилась тяжким бременем на государственную казну, но именно она закладывала прочный фундамент под величие тысячелетней империи.

Чао Цо в свое время успел поучиться в обители просвещения. Когда ему исполнилось шесть, отец, задействовав все свои связи, пристроил его в знаменитую столичную школу Небесных Тайн. Однако не прошло и двух лет, как сорванца с позором выгнали за то, что он изодрал редкие рукописи наставника.

В восемь лет Чао Ган предпринял новую попытку и определил сына в школу Белого Коня. Но после прежних неудач Чао Цо окончательно потерял вкус к учебе: неделями не появлялся на занятиях и откровенно бездельничал. Наставники терпели его капризы больше года, но когда началась новая весенняя четверть, а девятилетний лоботряс так и не соизволил явиться, его исключили по всем правилам.

Если бы не редкое упрямство и настойчивость Чао Гана, который не жалел сил ради будущего сына, мальчишке ни за что не вернули бы место за партой.

Тем более что недавнее продвижение Чао Гана по службе до должности сиши во многом было заслугой этого непутёвого отпрыска. Движимый отцовским долгом, он не жалел сил на наставления. Он без устали твердил сыну о безупречном поведении молодого господина Ху, его редком дружелюбии и дальновидности, заклиная Чао Цо брать с него пример.

В глубине души новоиспеченный сиши не мог не признать:

«Этот Ху Пэй еще совсем юн, но уже выказал поразительное умение извлекать выгоду из любых обстоятельств, не наживая при этом врагов и тонко направляя других. Поистине, опасный малый».

Не пойми Чао Ган в тот день намека шестого брата, Ху Яна, о «недуге глаз и слепоте сердца», касавшегося душевного здоровья его собственного сына, он принял бы вежливые речи гостя за пустую вежливость. И тогда нелепая история с петушиными боями на Террасе Крика Журавля так и осталась бы забытой забавой.

Однако предостережение заставило отца глубоко задуматься. Понимая, что воспитание требует не слов, а решительных действий, и все еще веря в своего ребенка, он сумел направить дело к общему благу. И то, что Чао Цо сегодня все-таки переступил порог школы Белого Коня, радовало его сердце куда больше, чем собственное высокое назначение.

Сейчас Чао Цо сидел за партой перед настезь распахнутым окном, уныло созерцая пустующее соседнее место из душистого камфорного дерева — парту Ху Пэя. Перед ним ровными рядами, по шесть в каждом, сидели ученики самых разных возрастов, объединенные лишь общим уровнем знаний. И только он один оставался здесь чужаком.

— Эх, надо было все-таки дотащить этого ленивца на спине, — вполголоса проворчал Чао Цо.

Сидевший впереди мальчик обернулся и дружелюбно улыбнулся:

— Меня зовут Юй Лань. Слышал, утром Ху Пэй за тебя заступился?

Чао Цо сердито зыркнул на него:

— Чего мелешь? Не было такого!

Юй Лань тут же стушевался и поспешно отвернулся к доске.

В классе тут же зашептались.

— Зря ты к нему лезешь, — негромко шепнул Юй Ланю сосед. — Таких горбатых только могила исправит.

Ми Цзяо, чье место находилось как раз перед партой Ху Пэя, обернулся к надувшемуся от злости Чао Цо и мягко произнес:

— Стоит тебе хоть немного усмирить свой буйный нрав, и никто больше не станет над тобой смеяться. Все мы здесь — последователи конфуцианского учения, стремящиеся к истине, вежливости и вниманию к мелочам. Нам ведомы законы приличия, а благородство и умение ладить с людьми — основа достойной жизни. Ху Пэя учителя жалуют не больше твоего, но за его чуткость и безупречные манеры его уважают все в этой школе.

— К тому же он необычайно красив, — закивал Юй Лань, вновь вклиниваясь в разговор. — И пускай наставник порой ворчит, мол, «в юности умен, да в зрелости непригоден», Ху Пэй справляется со всеми заданиями лучше всех в классе. Не зря же его прозвали господином Линцзюнем!

Сидевшая неподалеку Цай Цзыцзинь, облаченная в изящное белое платье, надула губы. Она слегка покраснела:

— Хватит вам! Тоже мне, нашли с кем сравнивать нашего А-Пэя. Семья Чао только и умеет, что лестью да угодничеством выбивать себе чины. Подумаешь, возомнили себя императорской родней!

Чао Цо резко вскочил со своего места. Лицо его пылало от гнева, а кулаки сжались до побелевших костяшек.

«Вы что, ослепли все?! С каких это пор этот неженка Ху Пэй стал образцом добродетели? Будь он и впрямь так благовоспитан, разве заставлял бы слугу таскать себя на плечах до самых дверей школы?!»

От его внезапного порыва бедняга Юй Лань испуганно подпрыгнул на стуле.

Лишь сейчас одноклассники по-настоящему разглядели нового ученика. Чао Цо действительно страдал от полноты, но при этом был на целую голову выше и вдвое шире хрупкого Юй Ланя. Если бы не лишний вес, при его суровых, четко очерченных чертах лица из него со временем вышел бы завидный богатырь.

Обычно острая на язык Цай Цзыцзинь испуганно вжалась в сиденье, заведя эту грозную тушу.

Воздух в классе буквально зазвенел от напряжения, но в этот самый миг над школьным двором разнесся глухой удар гонга, возвещающий начало урока.

Наставник Оуян Юйху переступил порог ровно с последним ударом гонга. На нем было строгое зеленое одеяние ученого, подпоясанное широким ремнем с вышитыми узорами в виде облаков и боевых секир. На левом боку покачивалась нефритовая подвеска, тихонько звенящая в лад шагам — верный признак благородного мужа, следящего за своей осанкой. Справа же висел расшитый лавандовыми травами ароматный мешочек, сшитый заботливыми руками его супруги в знак согласия и гармонии в доме.

В те далекие времена Империя Великая Чжоу крепилась союзом военных и книжников. В знак взаимного почтения мудрецы украшали свои пояса воинственными узорами, а воины закалывали волосы нефритовыми шпильками, напоминающими писчие кисти.

Войдя в класс, наставник Оуян первым же делом строго спросил:

— А где Ху Пэй?

Ученики лишь растерянно переглянулись.

Не дожидаясь ответа от покрывающих прогулышки детей, учитель подошел к широкому решетчатому окну и устремил взор на раскинувшийся в школьном саду огромный, вековой камфорный лавр, чьи ветви тянулись к солнцу.

Сквозь густую листву на толстом изогнутом суку отчетливо виднелся край нежно-голубого шелка. Наставник со вздохом покачал головой и негромко продекламировал:

— «Кто смолodu учиться не желает, тот в старости о праздных днях вздыхает». Пусть это послужит вам уроком, бездельники.

— Ой, учитель! — звонко рассмеялась Цай Цзыцзинь. — Даже когда наш А-Пэй состарится и его волосы побелеют, он ни капли не потеряет своего очарования. Уверена, он все равно останется самым мудрым и изысканным господином Линцзюнем!

— И то правда! — дружным хором поддержали ее остальные девчонки и мальчишки.

Среди этого восторженного гула одиноким грозным раскатом прозвучало сердитое фырканье Чао Цо.

Наставник Оуян перевел взгляд на заднюю парту, где сидел насупившийся Чао Цо.

«А этот младший сын господина сиши все же обладает твердым нравом. Сдержать свое слово и явиться на учебу — поступок, достойный похвалы».

Чао Цо уже приготовился к нагоняю и суровым взглядам, но, к своему удивлению, встретил лишь теплый, ободряющий взор учителя. Все дерзкие оправдания, что он заготовил заранее, разом вылетели из головы. Не успел он и рта открыть, как наставник заговорил вновь.

— Довольно пустых разговоров, — произнес наставник, раскрывая лежащую на столе книгу. — Начнем урок. Чао Цо, после занятия зайди ко мне в кабинет, я проверю твои знания.

Чао Цо растерянно моргнул. Весь его боевой задор бесследно испарился, и он лишь покорно кивнул, опустив глаза.

Вскоре класс наполнился стройным, звонким гулом детских голосов, старательно вторящих учителю. И под это усыпляющее чтение канонов кое-кто на толстой ветке старого лавра спал самым безмятежным сном.

Когда гонг пробил трижды, знаменуя окончание занятий, наставник Оуян аккуратно сложил свитки. Он отыскал взглядом сидящего в самом конце класса Чао Цо, одобрительно кивнул ему и неторопливым шагом вышел из кабинета. Мелодичный перезвон его нефритовых подвесок еще долго отдавался в коридоре, вторя его величественной поступи.

В классе мгновенно поднялся невообразимый шум. Ми Цзяо подбежал к Чао Цо и зашептал:

— Чего сидишь? Беги скорее за ним! Наш наставник Оуян — добрейшей души человек. К тому же сейчас начнется урок по естествознанию, будут рассказывать про всякие крестьянские плуги и мотыги. Тебе это в жизни точно не пригодится, так что иди!

— Давай, поспеши! — поддержал его Юй Лань.

Пораженный такой неожиданной поддержкой и смущенный любопытными взглядами остальных учеников, Чао Цо пулей выскочил из-за парты и бросился догонять учителя.

Цай Цзыцзинь недовольно хмыкнула:

— И зачем вы ему помогаете?

— Все ради Ху Пэя, — с улыбкой ответил Ми Цзяо. — Разве ты не знаешь, госпожа Цай, что если бы Ху Пэй тогда не преградил путь коню Чао Цо и не заставил его заключить пари, отец этого задиры вряд ли получил бы столь высокое назначение? К тому же господин сиши славится своей честностью, так почему бы не помочь его сыну?

— Мой отец тоже велел мне во всем равняться на Ху Пэя, — вставил свои пять копеек Юй Лань.
— Раз уж сегодня Ху Пэй спас Чао Цо от насмешек, значит, он взял его под свое крыло. А мы должны помогать нашему другу.

Цай Цзыцзинь надулась, но спорить не стала — в словах мальчишек крылась сермяжная правда. Решив не тратить время на пустые разговоры, она поспешила в сад, надеясь отыскать Ху Пэя.

<http://bllate.org/book/18313/1758652>